

Дарья Олеговна Слинкина, г. Тюмень

ФОРМЫ ДИАЛОГИЗМА В СБОРНИКЕ Л. В. ЛОСЕВА «УРОК ФОТОГРАФИИ»

Лев Лосев — поэт «ленинградской поэтической школы», филолог и преподаватель. Его поэтическая манера сформировалась под воздействием жанра «Table-Talk», т. е. под влиянием диалогичного жанра. Последствия данного воздействия мы наблюдаем в стихотворениях Л. В. Лосева. С новой силой они выражаются тогда, когда поэт был вынужден эмигрировать в США — поэзия стала самым верным инструментом общения с традицией. В первые годы эмиграции (1975-1985) был создан сборник «Урок фотографии». В данной книге мы выявили различные формы диалога: 1) диалог в повествовательной лирике; 2) диалог между текстами, созданный при помощи интертекста; 3) внутренний диалог раздвоенного лирического «Я»/субъекта.

Диалог в повествовательной лирике происходит между «персонажами», которых изображает автор-повествователь, при этом он «впускает в собственное сознание голоса героев своего повествования» [7], т. е. ведёт диалог с изображаемыми объектами. Повествователь является «медиатором» между героем и читателем, он видит героя, общается с ним, читатель же воспринимает повествователя как «голос за кадром», не уделяя внимания его личности. Однако личность повествователя раскрывается в том, как он изображает героев и ситуацию. Также автор-повествователь может находиться в одном пространственно-временном промежутке с героями, указывать на это, таким образом подтверждая свою конкретность, но может данную конкретность не подтверждать, а рассуждать вне категории времени и пространства, превращаясь в «точку зрения» (по О. Б. Корману). «Точка зрения» (от лирики) взаимодействует с повествовательной конструкцией сюжета (от эпоса) и создаёт диалогичный жанр повествовательной лирики.

В стихотворении «*Разговор*» представлена диалогичная природа повествовательной лирики. Автор-повествователь передаёт речь двух объектов изображения/субъектов мышления, по О. Б. Корману, данный приём называется «поэтическим многоголосьем» [4: 512].

Героями стихотворения, построенного на диалоге, стали ссыльные/эмигранты поневоле, которых «гонят от этапа до этапа», в их речи представлен обширный пласт «чужого слова», они интеллигенция, знающая русскую литературу:

«...у нас же *Солженицын*, да и тот
Угрюм-Бурчеев и довольно *средний*
прозаик». «Нонсенс, просто он *последний*
романтик». «Да, но, если вычесть „*ром*“» [5: 134]

Знающие философию Вл. Соловьёва:

«...А пробовал ты шведский „*Абсолют*“,
его я называю „*соловьёвка*“,
шарахнешь — и *софия* тут как тут...» [5: 134]

Они обозлены на родину, но всё же скучают по ней, по её «колориту»:

«...нет, все-таки, как белая головка,
так западные водки не берут».

«Прекрасно! *ностальгия по сивухе!*...» [5: 134]

Сюжет стихотворения построен на прямой речи, но в неё автор-повествователь вклинивается ремаркой (9, 10, 11 строки), в которой обозначает первоначальное пространство, его смену и статус отношений героев:

Из омота лубянок и бутырок
приятели в коммерческий уют
всплывают, в яркий мир больших бутылок [5: 134].

В характеристике мира героев просматривается «точка зрения» автора-повествователя, т. е. его взаимодействие с этим миром: отрицательное отношение к первоначальному месту положения героев («Из омута лубянок и бутырок» [5: 134] — омут как нечто тёмное, злое) и положительное отношение к новому месту («в яркий мир больших бутылок» [5: 134]), а семантика глагола «всплывают» указывает на то, что герои поднимаются вверх.

И тем не менее в данных строках слышится ирония автора-повествователя, ведь свобода и «яркий мир», в который «всплывают» герои, мнимы и достигаются лишь при помощи «больших бутылок».

Таким образом, Лев Лосев как автор-повествователь демонстрирует согласный диалог, в котором изначально по сюжету взгляды героев на своё положение ссыльных разнятся (злость/ностальгия), но совпадают в одном — лучше замутнить сознание и забыться:

«А, может, нам и правда выпить рому —
уж этот точно свалит нас с копыт» [5: 134]

Они хотят ощутить свободу, которой не добились даже тогда, когда покинули СССР. Символом её становится алкоголь, который одновременно и поддерживает, и губит. Лев Лосев, также являясь эмигрантом, осознавал недостижимость свободы и выразил это в согласном диалоге героев.

Диалог между текстами, созданный на основе интертекста, присутствует в поэзии Лосева в большом количестве. Лев Лосев активно использует «чужое слово» для передачи своего смысла. Например, в третьем из группы стихотворений «*Москвичи*» читатель различает подражание А. С. Пушкину: два начальных слова первой строки и два второй взяты из стихотворения «*К Чаадаеву*»:

*Любви, надежды, черта в стуле
недолго тешил нас уют...* [5: 130]

(ср. с А. С. Пушкиным):

*Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман...* [6: 328]

Во втором и третьем катрене используются поэтические восклицания «*Чу!*» и «*Ах!*». Данные восклицания многократно употребляют поэты Золотого века, в частности, А. С. Пушкин (например, в стихотворении «*Чу, пушки грянули! крылатых кораблей...*»). Подобные восклицания служат «маркером» поэзии XIX века.

Л. В. Лосев вводит интертекстуальный образ Медного всадника, который в русскую литературу привносит А. С. Пушкин в одноименной поэме, Лосев иронически обыгрывает его.

Начиная возвышенным «пушкинским», заканчивает принижённым «московским», противопоставляя мировые шедевры А. С. Пушкина, созданные в Санкт-Петербурге, и упрощение гения Пушкина в Москве. В стихотворении противопоставление представлено антитезой: любовь и надежда / чёрт в стуле и книги из Тулы; в одной строке и «Какая тонкая работа!» [5: 130], и «Шедевр косоного алкаша» [5: 130]; громадина Медного всадника и её уменьшение: «что это — проскочило, промелькнуло, // булатными подковками звеня?» [5: 130]. Как петербуржец, Лосев видит разницу между величием Петербурга и мелочностью Москвы, уничтожает советскую столицу и превозносит имперскую, развивает конфликт культур в диалоге с Пушкиным.

Внутренний диалог раздвоенного лирического «Я»/субъекта является характерной особенностью поэзии Л. В. Лосева. В стихотворении «*Я сна не торопил...*» раздвоение лирического субъекта характеризуется тем, что он выступает и «точкой зрения», «голосом», и объектом изображения, т. е. он одновременно чувствует (в сюжете стихотворения говорит от первого лица, используя местоимение «Я») и видит себя (говорит о себе в третьем лице, используя местоимение «Он»).

Происходит раздвоение лирического субъекта: герой во сне и наяву — две разные личности. *Во сне* он говорит от первого лица:

и в этом мире снов я шлялся, как дурак
Я мертвым говорил взволнованные речи и,
И отменил я «нет», и упразднил «далече»,
и *сам себя* до слез растрогал, как в кино [5: 157]

В реальности лирический субъект говорит о себе в третьем лице, видит себя фоном:
Я серый свет дневной. Гляжу в окно: герани
и,

Фон: *некий человек* ничком на простыне [5: 157]

В последней строке подводится итог. Реальная личность лирического субъекта — фон предметного мира (т. е. во сне лирический субъект представляет из себя больше, чем наяву). Раздвоенная точка зрения лирического субъекта позволяет читателю увидеть, какое место в мире он отводит себе. Лев Лосев при таком взгляде на лирического субъекта проявляет себя как филолог, подчёркивая, что в художнике/поэте всегда существует два «Я».

Таким образом, Лев Лосев в сборнике «Урок фотографии» использует разные формы диалога, которые отвечают требованиям его поэтической манеры и задачи, представляет концепт *согласного и полемического* диалога. *Согласный диалог* обнаруживается в *повествовательной лирике* (выражение единого мнения разными голосами) и *в диалоге между текстами* (согласие с мнением, сформированным литературной традицией предшественников). *Полемический диалог лирический субъект ведет сам с собой*, прибегая к самоиронии, которая не разрешается в какую-то одну сторону, она всегда двойственна, тем самым Лев Лосев показывает, что поэт находится в постоянном конфликте с лирическим «Я», соглашаясь и с героями повествовательной лирики, и с Другими, он не может согласиться с собой из-за раздвоения («Я»-автор/«Я»-герой).

Список литературы

1. Бахтин М. М. Слово о романе // Пальмира. СПб., 2016. 230 с.
2. Бройтман С. Н. Поэтика русской классической и неклассической лирики. М., 2008. 485 с.
3. Зубова Л. В. Языки современной поэзии. М., 2010. 378 с.
4. Корман Б. О. О целостности литературного произведения // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1977. Т. 36. № 6. С. 512.
5. Лосев Л. В. Стихи. СПб., 2012. 600 с.
6. Пушкин А. С. Полное собрание стихотворений в одном томе. М., 2011. 768 с.
7. Чевтаев А. А. Повествовательность в лирике и концепция Б. О. Кормана [Электронный ресурс] // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена: электрон. научн. журн. 2010. № 7 (21). URL: [https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/7\(21\)1/chevtaev_7_21_103_114.pdf](https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/7(21)1/chevtaev_7_21_103_114.pdf) (дата обращения: 16.05.2021).